

О. В. Горбачев
*Уральский государственный
педагогический университет*

МИГРАЦИОННАЯ СТАТИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

На протяжении второй половины XX в. произошло существенное изменение роли миграции в жизни общества. Как известно, выделяются три ее направления – внутрирегиональное, межрегиональное и внешнее. В течение большей части XX столетия два первых были определяющими. **Межрегиональная** миграция является традиционной для России. Именно в ее рамках происходило перераспределение людских ресурсов с целью освоения окраинных территорий. С исчерпанием ресурсов естественного прироста населения в большинстве мест традиционного выхода мигрантов (сельские районы староосвоенного центра страны) объемы межрегиональной миграции существенно снизились. Что касается программ организованного перераспределения рабочей силы с запада на восток, то уже начиная с 1950-х гг. в них участвовало не более 15% всех переселенцев¹. На рубеже 1990-х – 2000-х гг. межрегиональные перемещения сохранялись, хотя их основные направления существенно изменились.

Внутрирегиональная миграция в течение большей части XX в. реализовывалась в виде массового переселения жителей села в города. Преимущественно в такой форме осуществлялась урбанизация по советскому образцу. Уже к началу 1990-х гг. ее масштабы сократились также по причине сниженного естественного прироста.

В постсоветское время с открытием границ серьезно выросли объемы **внешней** миграции, что неизбежно повлияло на проблематику исследований.

На протяжении второй половины XX в. можно говорить о следующих миграционных трендах:

1. Перемещение населения под влиянием урбанизации. Речь идет о прежде весьма интенсивном, но сейчас постепенно затухающем движении из села в город и о начале агломерационного освоения территории вокруг мегаполисов.

2. Внутренняя миграция как результат мероприятий государственной политики и текущей экономической конъюнктуры. Следует отметить, что государственные программы по организованному переселению исчерпали себя уже в 1960-е гг., поэтому имеет смысл говорить главным образом о последствиях экономической политики. Имеются в виду: а) разрушитель-

ные последствия хрущевского реформирования деревни; б) сселение «неперспективных деревень» в первой половине 1970-х гг.; в) большое количество «ударных комсомольских строек» на востоке страны в 1970-е гг. и связанное с ними перераспределение рабочей силы с запада на восток; г) экономический кризис начала рубежа 1980–1990-х гг., повлекший за собой общее снижение числа переездов, а также активизация потоков город–село на фоне кризисов 1992 и 1997 гг.; д) смена вектора «запад–восток» в межрегиональных миграциях на противоположный вследствие сворачивания ряда проектов и отмены части социальных льгот в районах нового освоения).

3. Переселение беженцев из стран «ближнего зарубежья» в 1990-е гг. и внешняя трудовая миграция на рубеже 1990–2000-х гг.

Внимание абсолютного большинства исследователей советской миграции концентрировалось на изучении меж- и внутрирегиональной ее разновидностей.

Традиционно главными источниками сведений о миграции являются материалы Всесоюзных (Всероссийских) переписей населения² и данные текущего учета. Материалы переписей населения дают срез демографического состояния страны в отдельные периоды, но содержат мало информации для исследователя миграции. По причинам скорее политического свойства первая послевоенная перепись населения состоялась только в 1959 г., собственно же информация о миграции была отражена лишь в переписи 1970 г. Как отмечалось, «сопоставимая информация отсутствует за весь период с 1926 по 1970 гг., т. е. именно за то время, когда урбанизация проходила наиболее интенсивно и сельское население в массовом порядке переселялось в города»³.

На основании данных Всесоюзной переписи населения 1970 г. можно выявить региональные различия в миграции, определить национальный состав мигрантов, проследить интенсивность потоков «село–город», «город–село» и «село–село». В материалах переписи также присутствует информация о принадлежности мигрантов к социальным группам, но по причине чересчур широкой трактовки понятия «рабочий» (в группу рабочих включали как работников городских и сельских неаграрных предприятий, так и рабочих совхозов) она малопригодна для использования. Наконец, присутствуют сведения о маятниковой миграции. Впервые фиксировались миграции в системах расселения – между городом и селом и разными категориями городов. Недостатком переписи 1970 г. было то, что она учитывала только мигрантов, сменивших место жительства в течение двух лет.

При переписи 1979 г. учитывалась длительность проживания в месте постоянного жительства. Население подразделялось на проживающее в этом месте «с рождения» и «не с рождения», т.е. на мигрантов и немигрантов. Менявший место жительства, хотя бы и местный уроженец, входил в

группу мигрантов. Переписи 1989 и 2002 гг. с точки зрения миграции – самые скудные. В первой из них население распределяется только по областям рождения, без подразделения на город и село, что не позволяет получить представление о его перемещениях. В переписи 2002 г. также отсутствуют данные о постоянном/временном населении, дается лишь общая численность половозрастных групп, правда, с делением на город и село.

За пределами чисто миграционной проблематики полезная сторона статистики переписей видится в том, что они, как правило, дают развернутую информацию о числе, размерах и типах населенных пунктов; позволяют проследить количественные изменения в численности сельского населения по регионам, а также сокращение удельного веса сельских жителей среди всего населения страны; в ряде случаев позволяют судить о размерах естественного прироста населения и его динамике, а также о характере занятости населения. Вся эта многочисленная информация обычно востребована при выявлении факторов и последствий миграции.

С учетом целей изучения миграции населения приемлемым выходом видится сочетание данных переписей со сведениями текущего статистического учета, правда, с серьезными оговорками: переписи и текущий учет отслеживали в миграциях разные аспекты⁴. Поскольку переписи 1959, 1979 и последующих лет с точки зрения исследования миграций неудовлетворительны, основная нагрузка ложится именно на данные текущего учета и неминуемо встает вопрос об их репрезентативности.

С учетом того, что основные миграционные потоки в течение послевоенных десятилетий направлялись из села в город, большое значение для их изучения имеет состояние сельского учета мигрантов. Текущий сельсоветский учет представляет собой данные единовременной отчетности сельсоветов, составляемой на основе ведущихся в сельсоветах хозяйственных книг и списков сельсоветского учета, т.е. без опроса населения. В одной из справок середины 1950-х гг. сами статистические органы определяли погрешность сельсоветского учета примерно в 5%⁵.

С одной стороны, отмечается большая точность данных текущего учета в сравнении с переписями⁶. Это подтверждается и нашим опытом работы с этими материалами. С другой – предъявляются претензии к сельсоветским данным в части полноты выписки, особенно в конце 40-х – начале 50-х гг. В применении к этому периоду В. П. Попов определяет недоучет в пределах 17 %, объясняя его тем, что «правильность и регулярность заполнения книг в большинстве случаев не проверялась и не контролировалась», а «в условиях массового уклонения крестьян от колхозных работ и их бегства из деревни одному, даже ретивому секретарю исполкома было трудно уследить за всеми изменениями в составе сельской семьи»⁷.

С сожалением приходится констатировать, что ни переписи, ни данные текущего учета за большинство лет не выделяют сальдо миграции между

городом и селом; кроме того, они не позволяют установить уровень прироста населения за счет преобразования сельских населенных пунктов в городские. Что касается текущего городского учета мигрантов, то в доступных материалах, как правило, представлена лишь информация о территории выхода (области или республике), без подразделения на городские и сельские населенные пункты.

А. С. Сенявский считает, что проблема миграционного учета в целом не так остра, так как важнейшие показатели миграции устойчивы во времени. «По данным отдельных лет можно достаточно точно судить о миграции значительных периодов... Поэтому данные и опирающиеся на них выводы можно с достаточным основанием экстраполировать на ряд ближайших лет»⁸. Тем не менее, Ж. А. Зайончковская, проанализировав состояние доступных данных, делает довольно пессимистичный вывод: «Мы можем лишь зафиксировать уровни мобильности населения страны в определенных точках эволюционной траектории, вместо того, чтобы проследить сами миграционные процессы»⁹.

Состояние регионального учета миграции сильно варьировалось в зависимости от уровня паспортизации региона. В 40–60-е гг. региональный учет в сельской местности был налажен, как правило, только в совхозах, контингент которых приравнивался к промышленным рабочим и потому имел паспорта. На остальной территории страны вплоть до 1974 г., когда все сельские жители получили паспорта, возможности местной статистики были существенно ограничены.

Подводя итог обзора статистических источников советского времени, приведем мнение В. П. Попова, до некоторой степени примиряющее нас с их не вполне удовлетворительным состоянием. Он утверждает, что цифры миграционной статистики не являются точными, поскольку доступные материалы разной степени достоверности; но они позволяют определить тенденции¹⁰.

Что касается **постсоветской** статистики, то выше уже упоминалось о весьма относительной ценности переписи 2002 г. для изучения миграции. Поэтому, как и прежде, основную информацию должны предоставить данные текущего учета.

В местных статистических управлениях доступны сведения, позволяющие составить представление о миграционных процессах в рассматриваемый период. Они содержатся в ежегодных сводных статистических отчетах. По характеру информации выделяются массивы данных до 1996 г. включительно и более поздние.

В сводных отчетах **первой половины 1990-х гг.** имеется минимально необходимая статистика о характере миграций. Она включает цифры о количестве прибывших и выбывших по городам и сельской местности, а также по основным видам миграции – внутри-, межрегиональной и внеш-

ней. Данные о национальном составе мигрантов представлены по городской и сельской местностям без указания вида перемещения. Таким же образом даны сведения по половому и возрастному составу мигрантов.

Современная миграционная статистика, ведущаяся с 1997 г., гораздо более разнообразна, что связано в первую очередь с осознанием увеличения роли внешней миграции в миграционных перемещениях. Представлены сведения о распределении мигрантов по национальностям и видам миграции, включена информация по государствам выхода (направления) миграций. Существенным изменением в миграционной статистике является появление сводных таблиц с указанием мотивов переезда (выделено девять основных мотивов). Акцентирование мотивационной составляющей сделало ненужной, по мнению разработчиков, статистику по возрастной группе до 14 лет (она отсутствует), что делает уязвимой в остальном вполне репрезентативную действующую систему миграционного учета даже в сравнении с лапидарной статистикой начала 1990-х гг.

При всей информативности доступной статистики направление сельско-городских перемещений очевидно не является доминирующим в нынешней системе миграционного учета. Эта ситуация является отражением упомянутых выше тенденций в перераспределении миграционных трендов. В сравнении с поздней советской статистикой оказывается невозможным проследить иерархию переездов (т. е. размеры поселений, привлекающих/отдающих мигрантов), а также долю мигрантов в постоянном населении и степень их приживаемости. Тем самым вне поля зрения исследователей рискуют остаться некоторые существенные тенденции современного этапа урбанизации, для анализа которых явно недостаточно использования простейшей дихотомии «город–село».

Есть и еще одно важнейшее обстоятельство. В настоящее время для получения представления о применимости современной миграционной статистики анализа материалов статуправлений явно недостаточно. Чрезвычайно актуальным является вопрос о качестве исходных материалов. Современные исследователи обращают внимание, во-первых, на многочисленность систем миграционного учета в РФ (не менее 10); во-вторых, на подчиненность статистики ведомственным интересам и, в связи с этим, на слабую сопоставимость данных. Кроме того, в настоящее время, после замены института прописки на систему регистрации, масштабы реальной миграции существенно недооцениваются. Наиболее убедительно это показывается на примере миграции к месту учебы: официальная статистика указывает на ее мизерный объем, что не соответствует реальности. Проблема состоит в том, что прежняя регистрация студентов и аспирантов по месту жительства заменена на регистрацию по месту пребывания, и в итоге довольно многочисленная категория мигрантов реально оказывается неучтенной¹¹.

Таким образом, советская и постсоветская миграционная статистика имеют общие черты: фрагментарность, подчиненность ведомственным интересам, нередко – следование политической конъюнктуре, близорукое игнорирование пожеланий научной общественности к содержанию миграционного учета. В результате исследователи миграции постоянно находятся в сложном положении, решая проблемы недостатка и сопоставимости данных. Кроме того (что более важно), власть не имеет возможности гибко реагировать на новые или ожидаемые тенденции в развитии процесса миграции.

¹ Зайончковская Ж. А. Миграция вышла из тени // Отечественные записки. 2004. № 4. Электронный ресурс. [Режим доступа] <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=900>

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том. М., 1962; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Тт. 1–7. М., 1972–1974; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Стат. сб. Тт. 1–10. М., 1989–1990; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Тт. 1–13. М., 2004.

³ Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 56.

⁴ Там же.

⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 538. Л. 96.

⁶ Кудрявцев В. В. Переписи 1959 и 1970 гг. как исторический источник для изучения социального развития советской деревни. Дис.... канд. ист. наук. М., 1988. С. 10.

⁷ Попов В. П. Экономическое и социальное положение советского общества в 40-е гг. (на примере российской деревни). Дис.... докт. ист. наук. М., 1996. С. 129–130.

⁸ Сенявский А. С. Российский город в 1960–1980-е гг. С. 151.

⁹ Зайончковская Ж. А. Указ. соч. С. 56.

¹⁰ Попов В. П. Указ. соч. С. 145.

¹¹ См. подробнее: Чудиновских О. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки. 2004. №4. Электронный ресурс. [Режим доступа] <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=912>.

М. С. Друганова

Тюменский государственный университет

ОБРАЩЕНИЯ ЧАСТНЫХ ЛИЦ В ТЮМЕНСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ И УПРАВУ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

(по материалам ГУТО «Государственный архив Тюменской области»)

Управление общественными делами и имуществом на местах в конце XIX–начале XX веков осуществлялось в Российской империи согласно Городовым положениям. В последней трети XIX в. было высочайше утверждено два положения: от 16 июня 1870 г. и от 11 июня 1892 г. Указан-